

ДМИТРИЙ СТРОЦЕВ

УБОГИЕ
ПЕСНИ

азия + 2002

✠✠✠

Мы в Грузии, как в черной вазе
Мы в Грузии, как на гвозде
На остром, как тоска, алмазе
В невыносимой высоте

На этом острове, как в оспе
Как в детской клятве на крови
Мы утверждаемся в сиротстве
Как обясняемся в любви

И в злой ~~части~~ части, в самой бездне
Над нами свет многоокут
И в полусвете, как в болыне,
Сухая косточка стучит

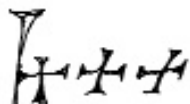

О ЛЕСНИКОВ-НАШ УЧЕНИК
СОБОР ТРАД ЛЕЧЕБНИХ.
Только нас не любил
Учитель угил.

Мы, дети, собирали жуков,
Зналь: дядя В. Железников.
Мы к нему рузьи: Велимир!
А он молчит: Будьте людьми.

✠✠✠
Визитка Копытко

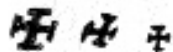
Боже, храни конякобежув
Детей, бегущих,
Догоняющих сердце,
Колько тобой

Какие чистые цветы
Какая ясная ограда
Как минерал и соловей
Как предостанье Давида

Как молодая судьба-гадалка
Цыганка, русалка, беда
И пылкого сердца не жалко
И разума в платке стиды

Но белое дрожит
И ткётся на зелёном
И музика бежит
Прожилками по склонам
И петль, дгшцатк и бйвд

С НИЛОСЬ МНЕ: Я ВЕРЮ В БОГА.

Прежде верить не хотел,
Думал: подожду немного,
Много нерешённых дел

Я не верил не мерил, Бог.
Знал, конечно видишь,
Я не то чтобы не верил,
Я довериться не мог.

Не умел, как поворачиваться,
Не цити как на убой,
Я дождю растерялся
В благодати голубой.

Будет всё теперь иначе,
И пражьный пражьный неть.
Видишь, Господи, я плачу,
Я не плакал много леть.

Будет встреч сердечных много
У душевного огня...
... СНИЛОСЬ МНЕ: Я ВЕРЮ В БОГА,
ДА НЕ ВЕРИТ ОН В МЕНЯ

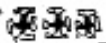

Дождь во мне, он идёт как изёт
я остался без крыши с утра
и теперь всё равно, что во мне
что во мне, или как там ещё

Или сам я не тот за кого
или вёсел с утра из себя
и теперь целый дождь идёт
жёлко жёлко или капля вина

Может быть, из высокой страны
прильнёт величавый дружин
и в гортани посадит рзу
я бы лучше не пожелал

Может быть, я и сам добреду
по такому дождю до тебя
жёлко, нет головы у меня
может, вырастет после дождя

З а м р и

р а з

д в а

т р и

голоса в квартире

п р и ч е т ы р е

о п я т ь

п я т ь

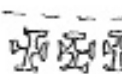
к т о - т о е с т ь

ш е с т ь

д а в а й с п р о с и м

с е м ь

в о с е м ь

Морю Толлевику

Кони глиняные ноги оторвали
и глиняные вытянули кони
распластались на холщовом покрывале
и заснули, словно вышиты на ткани

мгались, всадники подковами-руками
до повода в слепе доставали
танцевали эти всхолмлённые кони
словно дети их зубами рисовали

словно дети их без памяти лепили
неподатливые гривы размыкали
словно кони эти замёртво упали
слова сломанные головы подняли

слова глиняные ноги оторвали
и глиняные вытянули слова
распластались на холщовом покрывале
и бежали, и не вырвали слова

+++

Лина, полная света и зва
тледо жгучее в утлой руке
Вот и лето лисама мучивит
Вот и утка вляжет в уеко

как нежданная вострава-разлика
перепуткам побегка-горьки
так стела вьрастает из лука
и в кадбровзе глэдят до пори

так луна на тьох какохалки
вероломно сканит шелка
так титанот в берлових спальных
вероловы твои облака

так бежит джидевае улитка
гордо по вьрачкыи шее
так вь долово уативка
оживает в твоей укизете

лиди пели, а после стован
и джидали в пустие глаза
их густине катрие отивали
и бежали от них жебеса

Вот и я не хочу погоритесь
мне страница - большая страна
только хлебом сквозни укрелится
да из гроззи тучгубит вина

Я не сдвинулся с места

он как тиска сформ, как зигу
а над ним расплескалась птичка
только миг - и совьтисе в пьаме

кто по сухому бежит без шапки

кто по скеленно и безоглаво

так близкено и безоглаво

только тиромникто не вьдмт

бидет слава ему и мауа

только солкуе сьвек не помнит

калкой из стружк иссьеся

а на вьстезу ему, на вьстезу

осеклась, вьспит зругое

потому твот, отлеу без шапки

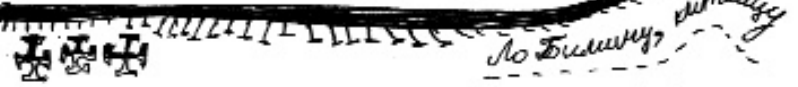
лают злые глаза, как совзич

вьрх тормазичея трёмит и склзет

только струги сьвие дала тсе

III

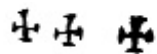
МУЖИКИ-МАНУЛИКИ карлики ушми
а МЕНЯ ОСТАВИЛИ на краю земли
МУЖИКИ-МАНУЛИКИ я тебя люблю
КАРЛИКИ-МАКАРЛИКИ а ты

летя - рек а лешки гладкие вьстужие вози летяло
Садкая тая на листе бли травы в водех задких утят
ДЫШИЛО море в о круг ни у у ш и стый сияет цветом
ДЫШИЛО ВОС СЕЕ ударяет ве с м о во уносит поток

по Билину, мотыгу

+++

ДЕРЕВО! Ты любишь меня
таким, какой я есть?

Да. И ты можешь на краешек пня
на минутку присесть.

Спасибо! А то я устал —
в ушавах и шрамах стою пешеходные ноги.

Тогда обними мой корявый поваленный ствол,
и мои стволы на время не так одиозны.

ДЕРЕВО! Ты — живая душа,
я уверенно слышу подспудное сердце.

Травы? Ты видишь? Выйди же тогда из дупла —
у ливня на груди потаённая дверца.

ДЕРЕВО! Как у тебя хорошо.
А то я схожу в ожидании гуда.

Знай, ты во лжи своё гудо нащёл,
и теперь наука не вернёмся отсюда...

Ты не моя, и мне не надо
к тебе привешивать замок,
чтобы от тебя не уволот,
из-под натруженных бровей
быть сторожем души твоей
и петушиться до упада

Был веткою разбужен я!

Ушли, прохожая моя,
и, может быть, на перекрёстке
однажды встретились с тобой,
в супружеский не вступил бой,
а расстеемся как подростки.

ИИИ

Я проснулся в похолодном лесу
шли деревья себе на войну

Эй! - деревьям я строго сказал

а они мне ответили: **НУ**

я звалми врызался в кору
я стучался в стволы головой
а они всё печатали шаг
своей задумчивый шаг строевой

Эй! - сказал я людям лесным
что на звездах сидят и сидят
почему все идут и идут
и никто не вернется назад

НУ, - сказали люди в ответ
мы на звездах идем на войну
ни слов этом странного нет
в этом странном задумчивом

я проснулся в холодном поту
в человеткем горячем дому
там плыла у меня на плече
я про **НУ** не сказал ничего

ИИИ

ЛЕВЫЕ ДА ПРАВЫЕ
ВСЕ РЕБЯТА БРАВЫЕ

ВСЕ ДОСТАЛИ САБЕЛКИ
РАСЧЕСАЛИ УШИКИ
ДЛИНЬТЕ ВОЛОСИКИ
НАЦЕПИЛИ КРЕСТЫКИ
ЗВЕЗДОЧКИ ДА СВАСТИКИ
ЛЕВЫЕ ДА ПРАВЫЕ

ДА СЛОВА КУДРАВЫЕ

ДА НАЛЕВО УЛИЦА
ДА НАПРАВО ЗВОНИЦА
ПРОБЕЖАЛА КУРИЦА
ПРОСКАКАЛА КОНИЦА
ПРОНЕСЛИ УБИТОГО
ПРОВЕЗЛИ ОТНЕСОГО
БОГОМ НЕ ЗАВЯТОГО
СОЛНЫШКОМ СОГРЕТОГО
В ПОЛОВИНЕ ПУТИ
ЭТО МАЛАШИНСКОГО
СТАРЕШЕГО УБИТОГО
МАЛЬЧИКИ НЕСУТ ЕГО
ДЕРЕВО КАТАЕТСЯ
ГОРОВА НЕ КЕЖУТСЯ
ЭТО ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ
ЧТО ОНИ НАТЕШАТСЯ

СВЕЧЕЧКА НЕ ТУШИТСЯ

ДЕРЕВО КАТАЕТСЯ
СВЕТЛЫЙ ВСЕ ОТЖАЕТСЯ
ТЕМНЫЙ НЕ ОТЖАЕТСЯ
ВРЕМЕНА СУРОВЫЕ
ДА ИДЕМ ЗАБРАВЫЕ
ЛЕВЫЕ ДА ПРАВЫЕ

МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ

МОГЛО ЗАСОВ ПОГРЕВЪХЪ НЕСКОШЕНКО ХОДЯКУ
КОГДА ШУМИТЪ ВОТЪМУ НЕСКОШЕНКО ВЪСТАЮ
ИДѢТЪ И СЛУШАЕТЪ, И КАЖЕТСЯ ЕМУ
УШАМИ ДОМОТКАВЪИМИ ПРЯДЕЕТЪ
А КТО НЕ СПИТЪ ВЪ ДОМУ, ТАКАЖЕ НЕ УГАДАЕТЪ
И Я ЕМУ НИКАКЪ НЕ НАДЕВЪКУ

А ВСЕ НЕСТЕШНО ЗУЩИТСЯ КЪ ОКНУ
А ВСЕ КИПИТЪ, БЕЖИТЪ ЗА ПОДОКОННИКЪ
И ПЕШИЙ ВСАДНИКЪ, ОБЛОЩАДНЫЙ КОМНОКЪ
МЕСТАШЕВЫЙ СОМЪ НА ВЪШИНО СПОРЖИТЪ
И БЕЛЫЙ СВЕТО, КАКЪ ХАЕ НЕЖЕНКА, БЛАЖИТЪ

А СЕРДЕШКОЕ ВРЕМЯ НА ПТИЦЫХЪ НОГАХЪ КОВЪИДЕТЪ
МО ВЪГУЛКОЕ ТЕМЯ САНДАЛОВЫМЪ ХЛОПОМЪ СТУШИТЪ
И ВСЕМО ЕГО ЗА ЗЕМЛЕ УДИВЛЯЕТЪ
И НЕ СПИТЪ ОБО ВСЕМЪ, И НА ВЪЧНОМЪ НАРЕЗЕ МОЛЧИТЪ

А ВЪ НОГИ КАКЪ ВЪ НОГИ ЗАПРОЛѢТЪ ВСЕ РАСПАХНУТЪ ^{МАЖКИЕ} ОКНА И ДВЕРИ
И ВЕТЕРИ СКУЮТЪ, И ГОРЬКИЕ КОШКИ СКРЕБУТЪ ПО СУСЕКЪАМЪ
И ВСЕ ЭТО ВЪЗЕМЪ О СЛѢЗНОЙ И РАДОСТНОЙ ВЕДЕ
ЗУСТИТИ СПОКАМИ ОБЪ РУКУ ИДѢТЪ СЪ ЧЕЛОВЕКАМЪ

ДОИГРАСЯ —
ПОЛЕТѢЛЪ,
ПОЛЕТѢЛЪ.

ТАКЪ СТАРАСЯ —
ТАКЪ ХОТЕЛЪ,
ТАКЪ ХОТЕЛЪ.

ТАКЪ РЕЗВАСЯ —
ВНИЗЪ И ВЪВЕРХЪ,
ВНИЗЪ И ВЪВЕРХЪ.

ОТРЕЗВАСЯ —
СМЕХЪ И ГРЕХЪ...
СМЕРТНЫЙ ГРЕХЪ.

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМЪ,
ПОУКРОМЪ НЕ ЗАРИТЬ
И ЗАВЪИТЬ.

ТОЛКО ЗУВОНУЮ КУТРОМЪ
ЭТИХЪ ЗАСКИХЪ ПОХОРОНЪ
НЕ ИЗВЪИТЬ.

ЭТА ИКОТКАЖЕ ПИРОМЪ
МЕЖЪ КЛАДБИЦЕНСКИХЪ РЕБИНЪ
ИЗЪ ГЛУБИНЪ.

ЭТА ИСХОДЕТЪ МОЛЬБЪ.
ЭТО БРАТСКАЯ СУДЬБА
ИЗЪ СУДБИНЪ.

ТВОЙ КРАТКИЙ ПОДРОК — БЕЛИВОЕ ТУПЛОЕ ВЛАТЬЕ
 ТОМ КЛАСТ ОКА, ЗАДЫХАЛАСЬ
 С ТРЕМ КЛАСТ ОТРАНА — ПРОСТИ ГЛАДАТЬ
 ОТ ВЕСЕЛЫЕ СЛАДКИ УПАЛИ, РАССЫПАЛИСЬ СВИТКИМ
 Я КРЕПЬКИЕ ВОЛНЫ ВЗБЕГАЛИ, УЛИТИКИ
 ОЛЕДЯТИ И ЛАЗИ, Я ВОМНИЮ, И КОНИ, И КОЛЫ, И КАМНИ НА ТЫСЯЧУ
 И ГРАТИ ИГРАЛИ
 КОЛЕНИ, ЛАДОНИ, Я ПОМИНУ, КАК ПЛАМАЯ

Я ТЫЕ РАДАЯ ЗАША — ПУСТЬ ИЛИТЯ С ТУАДЕМАЯ ПАЦАМЪ
 ПУСТЬ ЛЬЕТИСЯ И АЛЫМ, И БЕЛИМ ПОТОКОМ
 СТУПАЕТ ЖЕЛЕЗНОЙ РАСТОЙ, ИЧАГАРОЙ

ВСКИПАЕТ И ДЫШИТ, И БРУЖИТИ
 ОПЕШИТЕ В ЛАСАМИ, СМОЛЕТЪЯ И БРАТЪЯ

УДАРИМСЯ С ЗАМЪ — ОБЕЖЕТИЯ В ОБЕЖЕТИЯ
 ВСЕ СЛИПЛОСТЬ, БЪТИ ВРЕМЯ ПРОСНИТИ И СРАЗНИТИСЯ
 БЪТИ СКАТЕРТИЯ И СМЕРТИЯ, НАМ НЕ СПЕТИСЯ

БЕЗ КОЖА НЕ РЕЖЕЖ, НАРОТА
 ТИ ЖЕТИЯ, НЕ ВЕЩЕЦЪ, ДА НЕ ТА

ТЪЯ ХОТИ ТРЕТИЯ УКОЯ, ПРОСТИЯ
 ОТ ГЕРОЯ ВРОДЕ МЕНЕЯ

НЕ ГЛАДАИ, КАРТИКИНО ГОРА
 МОЛ, НЕ ТАК СОЛСТАМЪЯ БЕЛА

ВОЛУБЕЕ ХРОВИ ВТОРОЯ
 ТЫИ ХОТИ ТИНОЙ НОМ УКОЯ

ЗНАЮ, БУДЕШЬ ЛУЧИТИЯ И ЖЕЧЬ
 МОЛОДЯИ ЛЕТИВАЕЯ РЕЧЬ
 Я ЖЕ БУДУ ИЛИТИЯ — БЪТИ ИЛИТИЯ
 ТИЛИТИЯ ТИЛИТИЯ

ВОЗЪМИ ПОЛОТЕНЦА
 С ОЛЕИЯМИ — ДА ЛЪ НОГ, С УЛИТКОЙ — ДА ЛЪ ЛЮДА

ТВОЕЯ ПОСТЕЦА
 ПРОСТИТИСЯ, НАВОЛОТКА, ПОДАРАВЕЛИКИ
 ЗАХОУЕШЬ СЪЖЕСТИЯ

ОТ ГЕРОЯ ЗАНАВЕЛИКИ
 У ТВОЕЯ ЛЕВОЕ ПЛАТЪЯ!

Я СЛЫШУ ГУДЕТИСЯ ТЪЯ
 Я СЛЫШУ ЗАПАДЕГО УРЕТИОЯ
 Я СЛЫШУ ШУМ И ВОЛНЕНТИЕ ВСЕХ СЮ ЛЕТИСЯ

ЭВО И ТЕЛТИЕ ВСЕХ СОЛКЕНТИКЪ КОПЛИЯ, УДАРЫЮЩИЕ В
 И РАССЫПАЮЩИСЯ

РАДУГОЙ ЧИСТИЯ КАПЕЛЬ, БИНОГРАМЪ
 В КАЖДОЙ ИЗ КОТОРЫХ РАСТУСКЪ БЪШЕТИ ТИ
 ТВОЕЯ ПОБЕДА, ТВОЕЯ КРАСОТА

У ТВОЕЯ ЛЕВОЕ ПЛАТЪЯ!

☩ ☩ ☩ Елене Марья

Двай себя развеселим —
пойдём гулять в Ерусалим!

Ты будешь ехать на ослии,
а я лядею окошко сзади —
залдею и залдею худую смерть,
плясать и петь предней, как сней.

Лускай вопит и кензидит,
как слива, лопнет и ослепнет —
и ни обидит, ни увидит,
как детвора растёт и крепнет,
как со двора пойдёт курвою
в Ерусалим. **А** нам с того
из-под земли — из самой ямы
на них лядею глазами мамты.

☩☩☩

Х, втунд в небеса
увидел в кебе сад
как лже теперь назад
вернуть мои глаза

они теперь как змути
как ялоги во рту
мы кажемся за труг
поплакать пугу

поплакут, поплакут
на сад после дождя
и плакати захотят
как малос дитя

ГНЕВ ОБ АРОНЗОНЕ

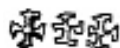
хорошо стоят в голз неба
хорошо стоят в голз сада
никуда стоят келепо
ни затем стоят кендо

ты не клятва, а молитва
ты не битва, а свобода

Иисусова улыбка
и улыбка кевосвода

у месяк в кармаке слева
небойшой глоточек неба
и ещё кусочек гнева

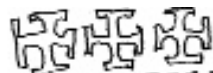
или это сердце слева
или это сердце слепо

тихой глянцой накормлю
потому что сам люблю
солнце - буеице

слышу-слышу, под травой
бьётся сердце головой
в петел голубой

поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поёт

Николаю
Влаковскому

в словаре, в словаре
зол на род - кипиток
от щедрот, государя
нам бы капель пятюк

мы бы пели - пьянели
вам доседе хвази
там, где хмель-сунели
да синели холмы

там, где мы не трезвы
на раздрях нога
ковы вельные звери
все не сводят очей

чтобы нам развизать
разриваться рудой
а потом улываться
колоколной воюю

Виталию Калашникову

Тайноград, тайноград, тихим светом твоим переводит
летописные листы, что умному слуху откытты
где живть мифы в золотые щати переводит
и развиты щатры, и столы даровые макрыты

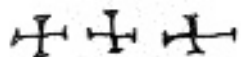
молодые друзья - с ними жены небесны радом
всея обвелеет рука, все одеты целующим взглядом
кто поёт на плуру, кто плакёт остывающим садом
все очалы полны, все ошеломлены тайноградом

Игорю Корочу

небесны помы, накатые полетна
нашей темне вухашек из алора кина
пустите меня, братя, - завидювы пьяны
я просто облянулся из воздуха, из тьмы

мы достали поладели, мы выпили сполна
критик мой дорога - уже она видна
зада мой разлейте, развейте мой фзык
друг друга обманите, откуда я возник

добыте меня грудью, следите напролом
спраж мой книга написана крылом
от первой капли крови до последней золы
полны мой колодцы, исты и солоньки

Что мне куст говорит — горит

на высоком простом плече
он, как лобящий взгляд, открыт
он кузнециком спит в кювете

Он горит — говорит — молчит
на широком, как чулок, ветру
где суотулая речь стоит
и усталую плёт траву

где прямая скоба идёт
на бессонных идёт пробах
этот нежный костёр цветёт
как приветствие на губах

и так жалко глаза отвесть
этот левгий омут унять
и отходя нужды, ответить
если можно тебя обнять

Андрею Анкилову

комната, где собакой тени и те пахнут
где лохматые травы влохнут в локотных кушачках
где над холмами слама и книга потолок распаснут
сладкая пыль зрастает и шлёт на швейных машинках

где вётерком гуляет прохладная леща **Бага**
где за окном вслётим палец кичит балконный
где рукавом солмает и сохжет мов рываса
там серебряный тополт владёт поклонит

там молодого лета спирта голубой плает
там летит луцистой влаги ласковое веселье
там и поют, и плачут, и пишу шитье желают
там за небесным краем для всех спасение

комната шаяло машет, кони по углам выходят
смотрит в огонь шимнёвой заспанной глазом
он на лоту сватает всё, что рука выводит
и до кожи не зрастает, что в тишине сказались

И И И И И

Алексей
Захарович

Скажем, в ора
попадает стрела
или коса на камень нашла
или нашла коса на камень
хочется с быструю сказать: каблуками
или не в ритму сказать: посошок

Риву посадишь в цветочный горшок
куфю отпустим, от рук отобьётся
это подкавай ей душой шею
и подкавай ей когда раскоётся
и подкавай ей — а это остаётся

Лётиса Бино
Вунора Дюно Стролой
Стаете Дано
и око под рукою

Смотрать известно, как комсомол
вот так предмет в корабль пущено
Лунне в восточном конце фисовант
Белой селой, несметившей пущено

или отлом жонка белосиница
выскажут в поле, полить из колотила
собирает в ритму сказать: на разлохе
а не полнитса, и не тронитса

меняю собою жонгом жонгом
время тиром, материята президента
или с дурью. Или ковчег материята
или не в ритму сказать: будет отобуает
Или же ритмом утром кто нас разбукает

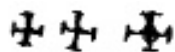
Катменка менткаем
Ах дехка тиреткаем

Бёём барбан: м а р а б а м
на Балалаеуре

Риска, арежетса ~~в ритму~~ ритму казуток
Бюкой матюотрим, сочмётся, оттаётся
и дём Битон, ка'ётся
А и шитна АУЕРОН

Мет Бел улетит
Окостракнуто рець
Ланзи Асчине
и матюотри Бетель

Болро светает — метюотри метуэ
А чено реём, протомта уюотка каэ
Уадаётса зрёмта метуэ
Голова матюотри контаэ

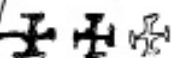

О ДРУЖКЕ МОЕЙ, Я ЗАБЛУДИЛСЯ
В ТВОЕЙ РУКАВИЦЕ НОЖНОЙ
ДИТЯ В ГОЛУБОЙ КОЛЫБЕЛИ
А Я С БЕЗУМЕШНОЙ ЖЕНОЙ

НА ЧЕРНОЙ ГОЛОДНОЙ ПОСТЕЛИ
ГДЕ ГОРЬКАЯ РВЁТСЯ ТРАВА
ГДЕ СЛЁЗНАЯ СТРАДА ПЛАЧЕТ
И НАС ВЫЖИВАЕТ ДОТЛА

МНЕ КАМЕННОЙ СОЛИ УПРЕКИ
КРУПНИЦЫ ОВИКИ СВЯТОЙ
МНОЕ СЛОМЛЕННЫХ РУК ПЕРЕПЛЕТАЮТ
И ПЕРВЫХ УЛЫБОК УГЛА

О ДРУЖКЕ МОЕЙ, Я ЗАБЛУДИЛСЯ
В ТВОЕЙ РУКАВИЦЕ НОЖНОЙ
ЕСТЬ ЗЕРНОГО СВЕТА ГЛАЗИЦЫ
ЕСТЬ СВЕТОМЛУВОЙ КОЛЫБЕЛИ
И СНЕГ НА ПОСТЕЛИ ЖЕЛТОЙ

ЭТОТ ДАР СЛЕПОТЫ
ЭТОТ ОГНЕННЫЙ ДАР
НА ЛИЦЕ ЧУЖДОТЫ
ТОЛЬКО КАМЕННЫЙ МАР

ТОЛЬКО ПЛАМЕННЫЙ И КУСТ
КАК СЛЕПАЯ ПРОЗА
ВСЕМИ ПАЛЦАМИ ЧУВСТВ
ОСЪЗНАЕТ ГЛАЗА

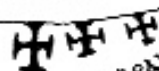
И КАМЕЛНАЯ ТИЛА
УЖИЛИЛАСЬ ДОТЛА
И ПУСТЫНЯ УМА
КАК СВЕТЛЫЯ БЕЛА

ГУБИ ВИДНЫ НЕБО, И НА ВРАХ ЕЩЕ НЕБО ОСТАЛОСЬ
НА МЕДЛЕННЫЙ, ПОДЛИН ВИНТ И НАДЖАДИ
ЕЩЕ ТЫ НАС ЛЮБИЛА
ЕЩЕ НЕ УДАЛИТЬ — НА ПОРОГ ЗАПЛАКЕШЬ, ЖЕВТДОХО

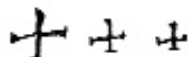
ОБНИТЕЛИ УЖИЕ ПЛЕЧИ
ВЫСОКОЕ ЭСЕБО КАПОЛНИТЬ СВОБОДОЙ И ТВОЕЙ
СЛОНЕМ ДРУЖКО СТАКАНЫ!
ЗА ВОЛЮ ДИШИТЬ
ЗА КАМЕНЬ И ВОЗДУХ
ЖЕЖЕНО
И ВСЕ ВОЗМОЖНО

И ТЫ МЕЖДУ КЪМИ
И РУКИ ТВОИ
И СЛОВО ТВОЕ — НЕБО НА ГУБАХ

ТЯЖЕЛО ПОДНИМАЮЩИ ОЛОВО
НА ЛЕТУЩЕГО НЕБО СМОТРЕТЬ
ОМ СМЕТУЩЕГО ВЗГЛЯДА ТЯЖЕЛОРО
В НЕВЕ ТУЛА ОЛЛА — ОДНА ТРЕТЬ
И ПИЛИТ ПЕРВОУКА ПРУЖИНЫ
И КАТИТЬ КАРАКАТИЦА-МЕЛНИЦА
КУБИКЕТСЯ ВОЛНИЦА-МЕЛНИЦА
И МЕЖА РАЗЪЕЖАЕТСЯ ЖИРНА

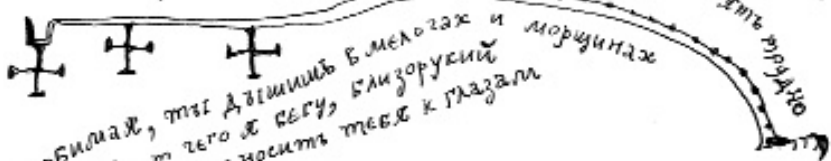
НА КОЖЕ КАПОЛНИТЬСЯ, НАЖИТЬСЯ
НАСЛУШАЕТСЯ ЗОЛОТЫЕ — СВЕТО
ТОЛЬКО СЕРДЦЕ НЕСЕТСЯ, НАЖИТЬСЯ
СМЕРТИ НЕТО

в доме твоём тихо
тихо коптит книга
как сердце болит
как птица летит
страница

очи твои — встречи
речи твои — росты
прости, Светлой Отце

в доме твоём людно
в камне твоём ушно
в книге стоять трудно

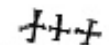

Любимая, ты дёвись в мелочах и морщинах
ты всё, от чего я бегу, близорукий
мне нужно подносить тебе к глазам
тогда увижу
и взгляда перебеда

я тоже все в оглядке птешинной
в косящей дрожи
в роковом глаже
я должен быть с тобою
и не искать внимания на бегу
гуваши губ

так это же она меня благодарит
за каждое моё прикосновение!
за грош сосредоточенности горкий
за угол зрения, которого стыжусь

как вхато я неможен
и погубить утешек

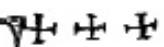
Под сердцем носом
философский кристалл,
выскался из сил
и чертовски устал.

Препарируя свет,
я аж Имический куст
я истаял как воск
и остался без чувств.

Титанических слов
моноклитной плитой
утверждался, но ров
обнажился пустой.

Нарастающую открыт
перкошанный рот,
без нужды говорить,
без надежды ореть.

Безвзвешный прогал
горше Судного дня
я не предполагал
за душой у меня.

рассудка тётлива
и разума сума
и в комнате сама
и машет голова

входи одна жена
со мною поспай
с весною на зренье
давно обнажена

с травого в кулаке
и птицей на щеке
где уминает пгела
рисуешь у плеча

чтоб я у белых ног
с зимою в волосах
и осенью в глазах
от счастья изнемог

и фаности лицо
и милости родник
я пел из рук твоих.

УБОГИЕ ПЕСНИ

1 Елене Фрагловой

Уто же эти люди
страшно живут —
не пьют они воду
и хлеб не жуют.
Не ходят они в гости,
не ищут любви те-ой —
боят от смерти,
от лютости своей.

Страшиком Божьим —
посох, сула —
гозю по волыкам,
броню по — холмам.
Вздох о невесте,
так платит душа моя —
не поют вместе
два сердца соловья.

Желодно в лице,
страшно идти,
болодние звери
стоят на пути.
Негладница убогих,
под кровом храни меня
от кровей многих.
А дох дик лет ливня...

Матушка вприкипела,
вдохнет отсу,
когда на тужбине
памрунакопел.
На ледяном погосте
в полнеба заре встаети,
Ромские холми
сыра-бывае светит.

12

В празднике на первом году
моя белая мама, сидит
и на седых волосах людей
без оснани и ступае складает

Уто к песку ей подает —
не двуручник уже и злодей.
Мое белая мама поет
для соршма прокожих людей.

В углу, у мамы, сидит кос,
я, как, малая, и светел, и зор.
К на плетке прокожих людей
опускается ласковой снег.

Уто коньку иза подает —
не двуручник уже и злодей.
Моя белая мама поет
для зоро из прокожих людей.

В подземе, где на нашем полу
мне еще постылом-постылом,
утраде, прокожих людей,
а потом мы пойдём поедим.

Моя белая малая поет
для соршма прокожих и зор
Уто коньку нам подает —
не двуручник уже и злодей.

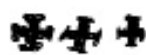
3 Ане

Как маленькая рыбка,
счастливая улыбка
блуждают по лицу.
Она тебе к лицу.

Как маленькую рыбку,
не стали мы улыбку
на улыбку любить,
а взяли калопить

открытым жилищ
как сладким виноградом.
А стобы не забиты
и до смерти любить —

Как маленькую рыбку,
счастливую улыбку
мы стали рисовать,
как будто целовать.

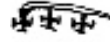

памяти Людмилы

ШУМ и ПЕНЕ трава и крыл
 Я СВОБОДНО ГЛАЗА ОТКРЫЛ
 ЕТОТ МЯ, СВЕТА И ТЬМЫ ГРОМАДА
 ПЕРЬЖЕ СЛУХА И РЫНСИЕ ВЗГЛЯДА

МИНЕРАЛИ
 ЦВЕТА
 ИЛИ
 ТАК В ПОЗИ
 УМИРАЛА
 ТЫ

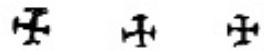
ДНИ БЕГУТ, ЛЮДИ ВЫХОДИМ В ПОЛЕ
 ПТИЦЫ В НЕБЕ И ДАТИ В ШКОЛЕ
 ОДУМ И ПЕНЕ, ТЬМА И СВЕТА
 СЕРДЦЕ НОВОЕ, СМЕРТИ НЕТЬ
 Я БЕГУ ИЗ ЗЕМЛИ И ВНЕШНО
 ЧТОБИ ПЕТЬ И ОБЛАКАТЬ ЗЕМЛЮ

ЧЕМ СМОЖЕТЕСЬ РАЗРУШИТЬ ?
 ГДЕ КОЗЬМУ ВИНОВАТОЕ СЛОВО
 ИЛИ АРМЯНСКОЙ ГОРЕ, МОЖНО БЫТЬ
 ИЛИ В КАЛЕНЕ ОВРАГА ЛЕСНОГО ?

ОТЛОБИ ТЫ НЕ СЛАЗА, НЕ СЛАЗА
 но ТЫ УМЕЛА, ТЫ УМЕЛА, БЫЛА
 ТЫ ОБОИ СКА ЗОЛОТЫЕ СОКОЛА
 ТЫ ОБОИ ГРУДО АГОШТАТЬ НЕ МЕШАЛА
 ТЫ ОБОИ ВЕ, ЧТО КОШИЛОСЬ В КОРТЕ
 ТЫ ОБОИ ОШОМЛО, ОШОМЛО
 ТЫ ОБОИ ТЫ В ВЕРВЯЧКАХ НА ЗЕМЛЕ
 С ВИНОВАТОЙ УЛЫБКОЙ ЧУВСТВУЮЩАЯ

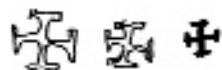
ОМНЕ БЫ ИСПОЛНИТЬ, ПРОВОДОРИТЬ
 КАЗИРКАТЬ, НАДЕТЬ, НАКАКАТЬ
 СЛОВНО АКСЕНЕ ТЯЖЕЛОЙ ОТКРЫТЬ
 И НА ПЕРВОЙ ТЯЖЕЛОЙ ОТКРЫТЬ

В ШЕРСТИ ГОРЕТ ПРЯЖЕТ ВИНОГРАД СЫРАЯ ЛЕВЬ
 КАК СЕРДЦЕ ПРЯЖЕТ
 ОНА — ВЕСНА, ЗОБ ПЛАТЬЕ ТАЛОВО ВСТАКАНЕ ПЛАВНО НЕБЕСНО
 КАК ПЛАКАЛА ДУША В САДУ ЧУДЕСНОМ

В ШИРОКОЙ ЛЕГКОВОЙ ПОСЛЕ
 ПОД МОЛНИЕЙ ПЯСТУШЕЙ
 АСЕНЕ ШИГАНЮ ИЗУСИ
 И ВОЛНОСТИ ПОСЛУШНОЙ
 ЧТОС ИГРАЛ ВИНОГРАД
 по жолмам
 как дальний гром

ГДЕ КРОСЬ, КАК ШЕРСТЬ, ВОПИТЬ
 ДА БЕССОННОЙ СЛОВАРЬ СЛИТ
 ДА ВШИРИ СКУЛА ИДЕТ
 И ВМЕРЗАЕТ ДУША В ЛЕД
 ТЫ ГОТОВИШЬ, А ВОЛОСИ ТВОИ МНЕ СОКОРУЮТ
 КАК ЛЕГКИЕ ШАРЫ, ЧТО ПО СЕРДЦУ, КАК ПЕРВЕНЦЫ, ЛЕЖЕТ
 КАК ЦАРИ ПОСЛАЩЕДЬ, ТАКУЕТ И ЦЕЛУЕТ ВИНОГРАД
 ЧТО — ДВА ИЗ ТРЕХ ОКОЛНУТЫ ВАНГОВЕСТВУЮТ И ПРОВОСВЕТНО ГОРЕЮТ
 ВЕСНА, КАК ХЛИНКОЕ РЕБРО, КАК ЛОДКА СЛУХОВИМ ПЛОТЮ
 ПРЕЗДАЕТСЯ С ПСОМ МИГАНЬ, В ПАЛ И ЖАЛОБУ БСАГЛЕС
 УДОСЕРНАИ ЧТОС, УКРАМИ
 И ТЁПЛОЕ ПИТЬЕ, КАК ЛИЦОСТЬ, ПОДНЕСАИ

Тяжело твое небо — ладони на плечах

твоей пощ, ладони, горж за

заплетает меня виноград

убаюкал меня виноград

с виноградом пойду по реке

со слезами пойду по реке

я пред Богом моим виноват

что за зерныце очи горят на реке

что за очи ко мне говорят!

мой стногек и когьто и анём

я волгонком угася тужить на реке

рине по водам бежат огонком

мне подводили дгшать ветерком

я отца молодое лицо исполнил

тёмный камень в груди неленя

мой стногек и когьто и анём

я пред Богом моим, как бумага, стою

колебелкуно песню пою

заплетай меня, мой виноград

убаюкай меня, виноград

линь тяжелое небо — ладони целовать

на пороге отца умзывать

к белой влаге глаза прижимать

Оне Седяков

А давай собирать слова ты стрелами дом
 возмём разговором котёр тарабарский
 узоротые рети
 Ашкарский могущий глагол
 Буа-Гомол мёртв, все гадгазый
 все гадгазый, птичий разар человекый

Ущём с гололоно в окомо слухокое
 рино быгнема

Уло вригоним в сад

И цуак ты цветет соловуны арчайши

В твэлт и инж сладоклииз речей

В трамтжаме и цокот, в техкмане и солеше

МЗЕК, АММОЦЕК, РОУОГ, ТУРАК

Врамылей, ЦАГОЕК, ЖЕЛРЕВЕН, ВАГОГОР, КОЛЕЧ

А да подк ~~о~~ всез прыбать, нуруучи, обвензай, пожеши,

А дай из блонца зумитесь вдай

ПЕРФА, КИМГОЙ, СТЮЛТЬ, СЛОЛОАРЫ

В ЛАСОГ ЛАСТІЙ ОРЁТ БУКАРЬ НА ЦЕПУЮЩИХ КОРНЕЖ ВЕЛАМИРА
 КРЪСТАЛЛІТЭСКИЙ ШЕТОЛЬ К МЕЛУ ГОВОРЯТ, МИГОТЕЙ
 ЧМЯХОДУИ ОНЫ, НЕБОТРОГА ОНЫ, ЖРАМЛАДЕМ
 РЕВЕНСОУТ-ОНИ НА ГОЛОДНИХ ТЕТРАДНЫХ ПОЛЕХ

Черно-Белая Книга шумит

Черно-Белая Книга Горит

Бело-Гривая Книга говорит

Это за птицу, за птицу в винограднике близинем Кирот и Кирот
 Сад так жуано устроен, как флейта, он полон ветрвоячи и птицу
 Кожатой куст обцтаем, ограмм-Укромек, исполнен и птицу
 Бетя пнёза, бетя трувава — здесь комнать не востом, и птицу, и птицу
 Треще труж неуместель, строкителз

Лы на седару птицу не строят, но дзроч катороты и птицу

Мат нестроую птицу словил, из краснелих камей

Б И И З по камей камей шумит, отбесную реку

Аоо, как Аоо, не отощит — он, как сон законный, теснителз

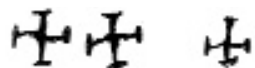
И нею строкителз бездомный пера садом безарным волателз

И нею строкителз бездомный пера садом безарным волателз

И нею строкителз бездомный пера садом безарным волателз

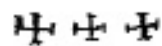
И нею строкителз бездомный пера садом безарным волателз

одолей меня, у людей меня отними
 утюли меня, удали меня, обними
 рану тяжкую в белом пламени поднеси
 яму выдолей, душу выними и спаси

горем выдели, солью вырви, слепи
 морем выведи, кровью вымоли, искули
 в воскресенье, в утро синее повстречай
 где, спроси меня, скупа зимняя к пеленам

Любовь — не уголь, любовь — не кружка, любовь — это шар.

Приходит подруга, Приходит друг, Это как пожелает душа.

Непросто спрягать, Нельзя украсть, Не легко удержать.

Она не растрата, Она не страсть, Ею можно просто дунуть.

Невидимый запах, и слышишь то, и магнитный дым.

Любовь на западе, Любовь на востоке, Если хочешь быть молодой.

Никто не словит в глухой пещерине отголосок живый.

Она не в слове, Она не в улье, Она движется куда-то с тобой.

Открытые двери, Простые люди, И жемчужный свет.

Я в полдень море и где-то начало, Вполночь меня меня все нет.

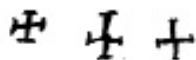

МНЕ НАДО ЭТИ КАМНИ ОТСРЕТЬ
 ЗАЩЕЛКИ СЕРЬЖЕ ВАЛУНЪ
 МНЕ СТРАШНО НЕЗАМЕТНО УМЕРЕТЬ
 БЕЗ БОЛИ, БЕЗ ПЕЧАЛИ, БЕЗ ВИНЪ

КАК БУДТО ЭТИ КАМНИ ГОВОРЯТ
 МНЕ СТОИТ ЖУРАВЛИНСКЕ ОДИН
 КАК БУДТО ВЗИБЕГАЮТ ИЗ ОГРАД
 КАК ДЕТИ НЕЛЮБИМЫЕ ОНИ

МНЕ НАДО МЕЖ КАМНЯМИ КАМЕНЕЦЪ
 ТЕМНЕЦЪ ЛИЦОМ ДОЖДА ЛЕВЫМ И ПРОСЪЗЕМ
 МНЕ НАДО МЕЖДУ НИМИ ОНЕМЕТЬ
 СЧАСТЬЕ ЛЕВЫМ НЕЛЮЦЕМ КАМЕННИК ПУСТЫНЪ

РОДНЪХ КАМНЕЙ ВЕСЕННИЕ СЪДА
 ЛЕНИВО РАЗОЛТОТЪСЯ ПО ХОЛМАМ
 МНЕ СТРАШНО СДОХНУТЬСЯ ОТЪ СЪТЪДА
 ЭТО ЖИЗНЬ МОЯ — ЕДИНСТВЕННЪЙ ОБМАНЪ

История каштана
 В кармане пиджака
 НЕ МЕНЕЕ ПРЕКРАСНА,
 ЭТО ПОВЕСТЬ О ВОЙНЕ

Товарищи остались
 в кемплой стороне,
 а он души не чает
 в кармане пиджака.

От двухградной спяжки
 откулся в октябре
 тросился из пазки
 остаток табака.

За мелочью ищет
 трёхпалак рука,
 внимательные пальцы
 скользят по коже ре.

Ой без-туду — немало
 влещет дурака,
 от двухградной спяжки
 оправился в ране

Сергей Лавров

История прекрасна,
 в кармане пиджака,
 история каштана
 в кармане пиджака.

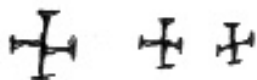

Памяти Великого
Глаголющего

А не лобило. Его скалистый череп.
Его блохастый штурмовской кафтан.
Вот он выходит на пустынный берег —
а перед ним кипит кровавый океан.

Кровавый рот вселенской мясорубки
орёт, блочит осколками костей.
Пёс, как струна — отзвучивает и гудит
Гробами горя смотрит на людей.

Мне сладко спать в его смеющейся шее,
в его бичующем тлеющем паху.
Так сладко спать бывает после смерти —
хоть на спине, хоть лежа на боку.

что ты, рай, для меня
сердце — блудце огней
кислородного утра подушка?

или
любимый мой
время идти домой

спит на цепях, в огнях — хрусталах
стэариновых подрубка
и — олит итальянская музыка

я так весел с тобой говорить
по разумному саду ходить
певших птиц называть — призывать
только ты их привадишь

а как смотрят они из сада,
дорогие твои глаза
а какие, сказать нельзя
и не надо

†††

Дозка — лодозка бежит по моей реке
резка — лодозка лежит у меня в руке
резка — лодозка — судьба у меня в судьбе
что я знаю о тебе знаю о тебе

дозка — ластозка — стрела у меня в груди
от меня не уходи и не уходи
гнев и радость не ушла гитовы не ушла
резка — лодозка — судьба — ластозка — стрела

Бернарди де Вентадори и Валтер фон дер Фогельвейде сами сочиняли музыку на свои стихи, или правильней сказать — вместе со стихами. Дмитрий Строчев делает это редко. Из традиционно мелодических параметров собственным текстом мне известны только три: „Том же эти люди степенно живут“, „Как лизимская рыбка“ и „В подземелье кагерман келу“. И хотя все они очень хороши, наиболее точное, авторское интонационно-ритмическое решение Строчев нашёл в миниатюрах, которые поначалу называл регитативами, и лишь ^{совсем} недавно обозначил их малюго точнее — **танцы**. Истоки этой манеры произнесения стихов каждой волеи ощущать по своему; лично мне вспоминается Шенберговское Sprechsatz и театр Кабуки, японские языки вообще. Спроецированные на русскую основу, эти кризисы приносят неожиданной и принципиальной результат несемантическую интонационную амплитуду. Отсюда — непредсказуемость мелодических микрообразований, особенно ошущимая при первом восприятии,

в то время как для автора это результат кропотливого и кропотливого вслушивания в волны, неминуемо расходящиеся от всякой стоящей поэтической строки. Композитор Елена Фролова обращается со стихом более традиционно: он раслет в сопровождении инструмента (гитары, хотя это может быть ансамбль, оркестр, хор etc.), и это может быть привычнее в России рубежа веков? Однако, переслушивая лучшие композиции Фроловой на стихи Строчева (Бродского, Цветаевой, Блаженного, собственноте)

я всякий раз испытываю грядущую, с которой соизмена и допелена до слушателя эта музыка. Её уникальность в главном: в качестве интонационной работы. Можно много говорить о глубоко индивидуальном воплощении отголосков целого столетия, от Вари Ланкой и Вертинского до Булата Окуджавы и Котельни-

ков" (и это только русские слезы); о тонкой ритмической полифонии в контрпункте вокальной и инструментальной партий; о свободном использовании разных принципов фактурного варьирования, от глинкавских до барокко законов; о собственной мелодической красоте Лениных произведений. Всё это — важные частности, но важнее всего то, что из них соткано: окончательный импрессионистический облик творчества Фроловой. Отвлекаясь от высшего крита, скажу: да же Бог человеку такие уши! Вот этили самыми глазами Лена и слышала музыку Дмитрия Строчева. Совершенно не похоже на то, как слышит её сам Дима. Совершенно по-фроловски. Какое счастье, что это произошло.

Виктор Колтыга
Маяк. 2002.